

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Юбилейный сборник Московской Духовной Академии

*Архиепископ Волоколамский ПИТИРИМ,
профессор Московской Духовной Академии*

В ЕДИНЕНИИ ТРАДИЦИИ И АКТУАЛЬНОСТИ *

Мне предстоит вернуться в сравнительно недалекое, но неовозвратно ушедшее прошлое, когда то великолепии, которое нас окружает сейчас, нам, первым воспитанникам Московской Духовной школы, еще не представлялось. Шла Великая Отечественная война, наступил перелом, Москва салютовала первый раз нашим доблестным солдатам на фронте за взятие Орла, а мы в тылу делали всё, что могли, для того чтобы победа стала еще ближе. Наша Церковь и все мы жили тогда не только с надеждой, но и с твердой уверенностью, что слова «Господь нам дарует победу», сказанные в первый день войны Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Московским Сергием, ставшим 12 сентября 1943 года Патриархом Московским и всея Руси, несомненно исполнятся. И поэтому каждый новый шаг нашего народа на пути к освобождению, столь прозорливо предвиденному Его Святейшеством, был для нас осуществлением наших желаний и надежд.

В те суровые годы Святейший Патриарх Сергий, помышляя о будущем нашей Церкви и руководствуясь Волею Божией, положил начало возрождению отечественных Духовных школ. Но ему не суждено было осуществить это великое дело. После его кончины, последовавшей 15 мая 1944 года, мудрым продолжателем начатого, надолго определившим путь развития Московских Духовных школ, стал по Промыслу Всевышнего Местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Ленинградский и Новгородский, а с 1945 года — Святейший Патриарх, Алексей.

Когда по Москве прошел слух, что вновь открывается Духовная школа, сердца многих молодых людей и пожилых старцев с радостью приняли эту весть. Помню, мы пришли тогда в Чистый переулок, дом 5, где в мезонине Патриархии помещалась канцелярия, чтобы подать свои прошения о зачислении в Московский Богословский Институт будущему его проректору Сергею Васильевичу Савинскому.

14 июня 1944 года Патриарший Местоблюститель Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей открыл высшее Духовное учебное

* Доклад прочитан в Большом актовом зале Московской Духовной Академии перед участниками научно-богословской Конференции, посвященной празднованию 300-летия Московской Духовной Академии, 27 декабря 1985 года. Высокопреосвященный автор — в прошлом студент Богословского Института, выпускник Московской Духовной Академии, ныне ее профессор и доктор богословия. — *Ред.*

заведение — Богословский Институт и среднее — Богословско-пастырские курсы. День памяти святого мученика Иустина Философа — первого учителя и основателя Богословской школы — стал, таким образом, днем, с которого началась и наша богословская школа. 26 августа 1946 года Богословский Институт и Богословско-пастырские курсы были преобразованы в Московскую Духовную Академию и Московскую Духовную Семинарию.

Начало Московских Духовных школ было скромным. Богословский Институт размещался в двух этажах Лопухинского корпуса Новодевичьего монастыря, где в маленькой комнате на 2-м этаже была квартира ректора, протоиерея Тихона Дмитриевича Попова, затем ректорско-профессорский кабинет и аудитория, в которой занимался I курс Богословского Института. А в технических помещениях при Успенском храме Новодевичьего монастыря размещались общежитие и отделенная от него фанерной перегородкой аудитория Богословско-пастырских курсов.

К преподаванию были привлечены настоятели и священники храмов Москвы, окончившие в прошлом Московскую, Петербургскую, Киевскую, Казанскую Духовные Академии, имевшие богатейший опыт пастырского приходского служения, но не знакомые со спецификой школьно-преподавательской работы. Они, естественно, принесли с собой свои традиции, основанные на системах преподавания и обучения в тех Духовных заведениях, которые они кончали. Были приглашены также люди с богословским образованием, однако долго не занимавшиеся своей специальностью и преподававшие в светских учебных заведениях. Понятно поэтому, что первоначальные учебные курсы складывались в напряженном поиске и опыте повседневной жизни.

Равным образом и контингент учащихся «военного» набора был неоднороден. Студенты пришли отовсюду. Среди них были и молодые, и совсем пожилые люди. Одни из них имели законченное гуманитарное образование, другие прошли курс Духовной Семинарии в далеком прошлом, но были и такие, кто вообще не имел никакой подготовки, кто по зову сердца пришел с сельскохозяйственных работ, от станков тыловой промышленности или с передовых позиций Великой Отечественной войны — опаленные огнем военного пожара, с нашивками ранений, боевыми наградами. Среди студентов нашего курса был Павел Александрович Голубцов (впоследствии архиепископ Сергей; † 1982) в выцветшей зеленой гимнастерке с погонами солдата технических войск. Были в числе студентов и специалисты с большим жизненным опытом, работавшие прежде в конструкторских бюро, и люди, много лет служившие на приходах псаломщиками. Были люди с широкой богословской эрудицией, путем самообразования глубоко изучившие святоотеческую письменность, и люди, едва умевшие читать по-славянски. Но в этой сложной и разноликой массе главным и определяющим фактором была пастырская настроенность, основополагающее значение которой особенно подчеркивал при открытии Богословского Института и Богословско-пастырских курсов Патриарший Местоблюститель Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей 14 июня 1944 года.

Обращаясь к собравшимся, он назвал их любителями Божественной, духовной и церковной мудрости. Святейший Патриарх Алексей, вос-

питанник классической школы — Московского лицея, юридического факультета Московского университета, а затем Московской Духовной Академии — был необыкновенно требователен к чистоте языка. И поэтому выражение «любители Божественной, духовной и церковной мудрости» — это не случайное сочетание слов.

«Я называю вас, — говорил Патриарший Местоблюститель Митрополит Алексей, — любителями мудрости потому, что не имею оснований предполагать, чтобы что-либо иное привело вас сюда, одних — учить, других — учиться, кроме любви к духовной и церковной мудрости. Если вы желаете проникнуться ею для того, чтобы потом повергнуть свои знания и свои силы к стопам Христовым для всецелого служения Его Церкви, то это усугубляет цену вашего доброго стремления и дает нам, служителям Церкви, благую надежду, что вы послужите ей в свое время как духовно просвещенные пастыри.

Теперь же, в начале пути, вам особенно необходимо уразуметь, в чем именно заключается духовное просвещение или, что то же, духовная мудрость, и какими чертами она определяется. Святой апостол Иаков так определяет эту духовную мудрость: «Яже свыше премудрость — первее, убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна» (Иак. 3, 17)». И далее Патриарший Местоблюститель объясняет, в чем заключается это понятие.

«Итак, прежде всего мудрость христианская «чиста». Она чиста как по источнику своему, так и по цели. Ее чистый источник есть Бог, Его слово, заключенное в Священных Писаниях, затем уясненное и приложенное ко всем сторонам жизни учением и духовными опытами Богомудрых отцов и учителей. Ее чистая цель есть также Бог, Его познание во Христе и разумение путей угождения Ему.

Отсюда поймите, как важно для вас, для всех стремящихся не слепцами ходить по жизненному пути, а с открытыми очами, подобно ученикам Христовым Клеопе и Луке, коим при соприкосновении с Господом — Источником всякого познания и разума — «отверзостеса очи и познаста Его» (Лк. 24, 31); как необходимо и важно тщательное изучение Священного Писания, творений святых отцов, правил и установлений церковных, притом изучение не книжное, сухое и оторванное от жизни, а соединенное с деятельным осуществлением изучаемых истин».

Я отвлекусь немного от текста и позволю себе вспомнить, что Святейший Патриарх Алексей особое значение придавал одному месту из Евангелия от Луки и часто его воспроизводил. В моем Евангелии лежит небольшая иконочка, на которой эти слова приведены: «Облязи с нама, яко к вечеру есть, и приклонилса есть день» (Лк. 24, 29). И действительно, Святейший Патриарх Алексей, доживший до 93 лет, очень ценил вечерний час жизни, в который подводил итоги своей большой церковной деятельности. Вот почему он совершенно не случайно упоминает слова Евангелия о Луке и Клеопе, которым отверзлись очи, когда они соприкоснулись со Христом, получив от Него в преломлении хлеб. Продолжаю цитировать.

«Мудрость христианская, — говорил митрополит Алексей, — мирна и кротка, исполнена милости и плодов благих (Иак. 3, 17). Мирен и кро-

ток должен быть и тот, кто для нее подвизается. Как в тихой неволнуемой воде отражается образ солнца, так только в тихой, не волнуемой страстями и всякими раздражениями душе может отразиться высший свет духовной мудрости.

Духовная мудрость дарована не для того, чтобы она служила орудием раздора и вражды между людьми, а для того, чтобы она содействовала духовному союзу людей во имя истины, во имя любви Христовой, подобно тому, как было у апостолов Христовых, которые, обладая истинною и мудростью духовной, были «связуемы союзом любви». Духовная мудрость учит нас в самой жизни проявлять слово пророческое «с ненавидящими мира бех мирен» (Пс. 119, 6)».

И эти слова также чрезвычайно характерны и важны для понимания того пути, которым повел Духовную школу Святейший Патриарх Алексий. Идея мира, которая сейчас стала всечеловеческой, тогда, в годы войны, конечно, связывалась нами с окончанием войны. Но Святейший Патриарх Алексий говорил, что мир — это не только прекращение войны и раздора, мир — это прежде всего то состояние духа, к которому призван каждый человек. И потому так принципиальна и ярка всегда была его проповедь о сохранении, защите и устроении мира. И этим он предначертал дальнейший путь развития нашей духовной богословской мысли.

«Мудрость христианская «благопокорлива, несумненна и нелицемерна». Она провозглашает и дарует истинную духовную свободу. Но вместе с тем учит с Апостолом «повиновению Господа ради» (1 Петр. 2, 13). Ревнующие об истинной мудрости должны поднимать дух людей из рабской низости и духовного расслабления к свободному раскрытию и проявлению его сил, но в то же время утверждать его в свободном, без колебаний, и нелицемерном повиновении закону и власти, от Бога установленным, и охранять от своеволия, которое есть искажение и извращение свободы».

Вернемся к светлому образу Святейшего Патриарха Алексия. Он, человек глубокой внутренней дисциплины, верности канонам Церкви, нередко говорил, что мало знать каноны, нужно понимать дух канона. Будучи по светскому образованию юристом, он, естественно, в своих не только формулировках, но и в самой сущности, в самом понимании предмета очень часто обращался к классической юриспруденции и каноническому строю Церкви для того, чтобы выразить свою мысль предельно ясно, в точных принципиальных формах. В конце своей речи он сказал: «Вот, отцы и братие, чему вы должны будете одни — учить, а другие — учиться в этом новооткрываемом духовном вертограде богословского познания» (*Патриарх Алексий. Слова, речи... Т. 1. М., 1948, с. 165—166*).

Именно в этих принципиальных установках Патриаршего Местоблестителя, который в конце своей речи вспоминает, что начальником этого великого церковного дела был Святейший Патриарх Сергей, так много и с такой любовью поработавший над созданием Богословского Института и Богословско-пастырских курсов и вместе с нами, веруем мы, молится и радуется нашей общей радостью, — заложены предначертания, ставшие в дальнейшем руководящей звездой во всей деятельности нашей Духовной школы.

Итак, во-первых, дух церковности. Святейший Патриарх Алексей ввел этот термин в наш обиход, и понятие церковность было для нас как бы ключом ко всей нашей работе — и студенческой и преподавательской.

Во-вторых, духовная мудрость. Духовная мудрость, а вместе и церковность, отличали Святейшего Патриарха Алексея. И они последовательно восприняты всем строем нашей Духовной школы. Мы и сейчас видим продолжение этих начал в деятельности Святейшего Патриарха Пимена.

Надо сказать, что Святейший Патриарх Алексей очень часто привлекал нас, студентов, для участия в патриаршем богослужении. Мы посещали патриарший собор, одни были в стихарях как иподиаконы, а другие стояли как певчие или благоговейные богомольцы. Святейший Патриарх считал, что присутствие и участие за богослужением воспитанников Духовной школы не менее, а может быть и более, полезно, чем присутствие на занятиях.

Таким образом, первые уроки церковности и духовной мудрости мы воспринимали из уст Святейшего Патриарха и просвещенных пастырей. Сейчас всем нам эти понятия хорошо знакомы и близки. Но тогда представлялись как совершенно новые.

Уместно вспомнить протопресвитера Николая Федоровича Колчицкого († 1961), блестящего проповедника, одареннейшего церковного деятеля, который, настоятельствуя в Богоявленском патриаршем соборе, самозабвенно совершал богослужения. Будучи тяжело больным сахарным диабетом и даже парализованным, он все равно не оставлял мысли о том, как он будет совершать богослужения. Я помню, в один из последних дней его жизни, когда мне пришлось навестить его, он долго мне объяснял, как он будет служить с парализованной рукой. «Ну что делать, — говорил он, — правая рука у меня парализована, а я обязательно должен пойти кадить на полнелей. Я уже научился кадить левой рукой, но чтобы держать свечу в правой руке, я попрошу сделать для нее перевязь, и таким образом смогу держать свечу».

Вот на этом небольшом примере можно себе представить, насколько высоко было сознание преданности Церкви, проявление церковности. Именно это было сутью нашей Духовной школы, наших профессоров и преподавателей.

Жизнь Богословского Института и Богословско-пастырских курсов протекала в атмосфере непринужденности, церковности, радости от того, что мы делаем дело, к которому стремились подсознательно или сознательно всю свою жизнь. Это был действительно поиск первопродцов, еще только нащупывавших, как и куда идти дальше.

Первой необходимостью стало создание программы, в основу ее были положены программы прежних семинарий и академий. Богословский Институт был рассчитан на четырехлетний курс обучения. Предварительные Богословско-пастырские курсы должны были дать необходимые катехизические знания, которые соответствовали бы содержанию программ Духовного Училища и Духовной Семинарии. Впоследствии, когда после реформы 1946 года Богословско-пастырские курсы с двумя курсами Богословского Института составили четырехгодичный курс Духовной Семинарии, а третий и четвертый курсы Богословского Инсти-

тута были преобразованы в четырехгодичный курс Духовной Академии, эта первоначальная программа, несомненно, оказала влияние на деятельность реорганизованных Духовных школ. Программы разрабатывал митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков; † 1955), ближайший друг, сотрудник и помощник Патриарха Алексия. Совместно они разработали ту первую программу, которая легла затем в основу ныне действующих так называемых типовых программ.

Второй настоятельной заботой стало создание учебников. Ведь у нас тогда их практически не было. Даже молебны и панихиды мы совершали в Успенском храме по самостоятельно составленным машинописным листочкам. Эти первые наши, мягко говоря, учебные пособия составляли нам опытные священнослужители, давно трудившиеся у алтаря Господня и прекрасно знавшие чинопоследование богослужений.

Естественно, в основу учебников легли семинарские учебные пособия, но полностью они не могли быть использованы ни из-за объема, ни из-за характера изложения предметов, и преподаватели в сотрудничестве с наиболее способными учащимися начали составлять первые необходимые конспекты-пособия, по которым мы не только проходили учебный курс, но и совершали богослужения — сначала в Преображенском надвратном храме, а затем, с осени 1945 года, в Успенском (трапезном) храме Новодевичьего монастыря. Там же, в технических помещениях храма, проводились и занятия Богословско-пастырских курсов и было общежитие для иногородних.

В Успенском храме, по недостатку места, располагалась также и наша библиотека. Она устроена была из фанерных щитов на месте, где обычно стоят церковные ящики. Заведовал ею библиотекарь Павел Александрович Голубцов (впоследствии архиепископ Сергей), а потом Анатолий Васильевич Ушков († 1972). Книг было мало, и мы постоянно ощущали их нехватку. Позже, конечно, библиотека получила прекрасное помещение, да и фонды ее стали неизмеримо богаче.

Надо сознаться, я имел преимущество перед моими товарищами студентами, проживавшими в общежитии, потому что жил в городе и работал в Патриархии в качестве ризничего Святейшего Патриарха. Это давало мне возможность часто отсутствовать на занятиях по служебным обстоятельствам, а также проводить многие часы в библиотеке имени В. И. Ленина за чтением необходимых книг, которые там без труда можно было получить. Точно такими же льготами пользовались и Алексей Сергеевич Бувский, являвшийся сотрудником (ныне ответственный секретарь) Отдела внешних церковных сношений, и Владимир Иванович Талызин († 1967), бывший секретарем митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича; † 1961), и некоторые другие. Все мы читали книги с необычайной жадностью. Именно в этот период, за долго до того, как в нашей Академии сформировалось с помощью старых профессоров определенное направление, четко определилась наша верность святоотеческой традиции. Труды святых отцов и богословов, раскрывавшие глубокое содержание святоотеческих творений, были основной базой для наших богословских занятий, и часто случалось так, что студенты опережали своих профессоров. Считаю долгом с благодарностью вспомнить одного из наших товарищей — Петра Викторовича Гнедича († 1963), который впоследствии стал протоиереем и профессо-

ром Московской Духовной Академии. Он был потомком знаменитых Гнедичей (русского поэта-переводчика Николая Ивановича (1784—1833) и драматурга, переводчика и искусствоведа Петра Петровича (1855—1925), внесших большой вклад в отечественную литературу и искусствоведение. П. В. Гнедич был основательно начитан в святоотеческой литературе.

Я вспоминаю своего товарища по курсу Павла Александровича Голубцова. Он был сыном профессора Московской Духовной Академии Александра Петровича Голубцова († 1911) и по окончании Академии трудился в ней в качестве преподавателя и доцента по кафедре церковной археологии и древнееврейского языка. Все мы действительно были увлечены чтением святоотеческих творений, изучением их, конспектированием и штудированием, как было принято говорить в студенческой среде в те годы. Тогда же началось совершенно спонтанно увлечение трудами священника Павла Флоренского († 1943).

Таким образом, направление развития Духовной школы, которое было задано Патриаршим Местоблюстителем, впоследствии Патриархом, Алексием, в нашей практической научной богословской работе воплотилось именно в стремлении постичь дух святоотеческих творений и выдающихся богословов Московской Духовной Академии, среди которых были священник Павел Флоренский, архимандрит (впоследствии архиепископ) Иларион (Троицкий) и ряд других блестящих профессоров.

Необходимо остановиться на тех, теперь уже, можно сказать, овеянных легендой, именах первых профессоров и преподавателей, которые в возрожденной Духовной школе начинали священное дело и стали первыми авторами богословских работ.

Сергей Васильевич Савинский († 1954), впоследствии протоиерей, настоятель Успенского храма Новодевичьего монастыря, был первым проректором Богословского Института, а затем инспектором и профессором Московской Духовной Академии. В прошлом он преподавал догматику в Черниговской Духовной Семинарии. Отличавшийся в свои молодые годы особой строгостью, он сохранил незыблемую ортодоксальность и верность старой семинарской программе до конца своих дней. Уже упоминавшийся протопресвитер Николай Федорович Колчицкий часто вспоминал о том трепете, который испытывал он при встречах с Сергеем Васильевичем Савинским в бытность свою в Богословском Институте в качестве преподавателя. В основу своего преподавания С. В. Савинский положил курс «Догматического богословия» митрополита Макария (Булгакова; † 1882). Эта выверенная годами богословская система, от которой он не отступал ни на пядь, надолго определила методику и содержание преподавания догматического богословия в Богословском Институте, а затем в Московских Духовных Академии и Семинарии.

Протоиерей Тихон Димитриевич Попов, в прошлом способный студент Казанской Духовной Академии († 1962), в 1915—1916 годах написавший монументальную магистерскую диссертацию о святителе Тихоне Задонском, был ректором Богословского Института и преподавал пастырское, основное и нравственное богословие. В последние годы жизни он ослеп. Ему помогала жена, Анна Павловна, верная подруга, которая готовила под его диктовку конспекты. Отец Тихон приходил на

занятия в сопровождении своей матушки, которая провожала его до дверей аудитории, дальше студенты принимали его под руки, провожали к столу и он давал студентам листочки, план-конспект своего урока. На основе этих записок и глубоких богословских пояснений отца Тихона каждый составлял свой собственный конспект.

Протоиерей Димитрий Иванович Боголюбов († 1953) — известный синодальный миссионер, большой знаток истории русского раскола и сектантских движений в России, автор нескольких статей по социологии религий Российской империи. Имея большой опыт духовных бесед, он говорил прекрасным языком, всегда с чувством глубокой убежденности. Его уроки были непринужденной беседой уже слабеющего старца, который более всего обращал внимание на атмосферу и характер взаимоотношений в классе. Нередко он прерывал свои объяснения или опрос учащихся тихим благоговейным пением молитв. Тон отец Димитрий задавал своим старческим голосом и, сам глубоко переживая, умел вызвать религиозное сопереживание и аудитории.

Анатолий Васильевич Ведерников — талантливый лектор, затем секретарь и инспектор Богословского Института, а впоследствии в течение многих лет секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии» — обладатель легкого пера, изящного литературного слога, эрудит в области русской классической литературы. Анатолий Васильевич читал историю русской религиозной мысли. Его лекции были насыщены блестящими экскурсами в русскую литературу.

Алексей Иванович Георгиевский († 1984) происходил из потомственной семьи московских священнослужителей. Пришел он в Православный Богословский Институт с личной библиотекой, содержащей лучшие богословские и святоотеческие работы. В течение долгих лет он преподавал Церковный устав и литургику, вдохновенно участвовал в клиросном пении, был одаренным популяризатором Церковного устава. Его изложение чина Божественной литургии с пояснениями надолго стало настольной книгой для молодых священнослужителей.

Вскоре в Богословский Институт пришел Николай Иванович Муравьев († 1963), выпускник Киевской Духовной Академии, на многие годы занявший кафедру истории Древней Церкви. Еще годом позже — Николай Петрович Доктусов († 1959), окончивший перед первой мировой войной Казанскую Духовную Академию. Хорошо начитанный в богословской и философской литературе, имевший большой опыт преподавания в светских учебных заведениях, он начал с курса логики, психологии и латинского языка, а затем занимал кафедру Нового Завета. В 1957 году он перешел в аппарат Патриархии, где трудился в качестве секретаря Учебного комитета. Н. П. Доктусов был в течение шести лет одним из лучших инспекторов. При нем начал свою работу помощником инспектора Академии нынешний Патриарший Экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий Филарет. Николай Петрович был мудр и благостен, взыскивал строго, миловал со строгостью.

Его коллега по Казанской Духовной Академии Александр Андреевич Ветелев († 1976), впоследствии протоиерей и настоятель последовательно в нескольких московских храмах, обладал необыкновенным энтузиазмом и энергией, начал преподавать гомилетику, а затем сосредоточил свою огромную энергию и личный пастырско-психологический

опыт на разработке оригинальных курсов пастырского и нравственного богословия.

Владимир Семенович Вертоградов († 1964) — также выпускник Казанской Духовной Академии. Исполняя обязанности ректора Московской Духовной Академии в 1950—1951 годах, он читал курс Священного Писания Ветхого Завета и глубоко любил Православную Церковь. Иногда на уроках мы, студенты, просили его что-нибудь рассказать из своих воспоминаний о старой Духовной школе. И это было для нас счастливым временем.

Иван Николаевич Аксенов († 1958) с большим энтузиазмом преподавал церковное пение. Вскоре после открытия Богословского Института и Богословско-пастырских курсов он собрал хороший церковный студенческий хор, который вместе со смешанным хором прихожан Успенского храма надолго остался в памяти как образец исполнения обиходного пения. Святейший Патриарх Алексей, участвовавший в бытность его викарием Новгородской епархии в создании классической книги «Спутник псаломщика», сам был большим знатоком обиходного пения. Его принципиальная установка о характере церковного пения (см. Слова и речи... Т. I. М., 1948, с.246—248) на долгие годы определила стиль пения и репертуар патриаршего хора Богоявленского собора и хора семинарского храма, который состоял из классических композиций со значительной долей знаменного распева.

Самой яркой и надолго оставшейся в памяти учащихся первых лет личностью был первый ректор Православного Богословского Института и затем Московской Духовной Академии и Семинарии, приглашенный Святейшим Патриархом Алексием, его давний сотрудник и помощник, протоиерей Николай Викторович Чепурин, бывший петербургский епархиальный миссионер, блестяще образованный человек, имевший несколько дипломов и ученых степеней, магистр богословия, кандидат биологических наук, занимавший до этого кафедру микробиологии в медицинском институте в Средней Азии. Менее полугодом занимал он пост ректора: вступил в должность осенью 1946 года и 7 февраля 1947 года скончался. Всего несколько месяцев студенты слушали его вдохновенные беседы-проповеди на занятиях и в храме. Помню его первое выступление перед учащимися в Успенском храме Новодевичьего монастыря после запричастного стиха, когда он произнес свои полные глубокого смысла слова о том, что многие богословские предметы учащимся предстоит освоить в стенах Духовных школ, но лишь по одному предмету придется каждому сдать главный экзамен своей жизни. Научкой, по которой придется сдавать этот главный экзамен, будет наука жертвовать собой. Вот чему должен посвятить себя священнослужитель — пастырь Православной Церкви. Самозабвенное служение Церкви, своему народу, своему Отечеству — вот главный путь, которым ныне должен идти учащийся Духовной школы. Это высокое духовное и гражданское сознание ответственности и мужества явилось основополагающей идейной посылкой всей деятельности Православного Богословского Института и впоследствии Духовных школ. И сегодня высокая духовность и гражданственность определяют жизнь Русской Православной Церкви, ее пастырскую, миротворческую и экуменическую практику. Святейший Патриарх Алексей на отпевании отца Николая в

Успенском храме Новодевичьего монастыря сказал, что за короткое время своего ректорского послушания отец Николай совершил больше, чем многие могут сделать за долгие годы.

После кончины протоиерея Николая Чепурина новым ректором был назначен епископ Гермоген (Кожин, впоследствии митрополит Алеутский и Североамериканский; † 1954), известный богослов и проповедник, читавший в Академии курс истории и разбора западных исповеданий.

Хочется закончить перечень этих замечательных воспоминаний об одной из самых очаровательных личностей нашей возрожденной Духовной школы — Борисе Васильевиче Вадковском († 1964). Он — родной племянник знаменитого митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского; † 1912). Борис Васильевич преподавал греческий язык, был необыкновенно трогательно влюблен в свой предмет и никак не допускал мысли, что студенты могут не разделять его чувств к грамматическим тонкостям древнего языка. Борис Васильевич Вадковский жил в Заиконоспасском монастыре, именно в той самой келье, которую занимал первый ректор Славяно-греко-латинской Академии, и таким образом как бы связывал прошлое Академии с ее настоящим.

Поистине все труженики Духовной школы, поставленные перед необходимостью создавать и методику, и курсы богословских, церковно-исторических, церковнопрактических и языковых предметов, были не только первопроходцами, но и энтузиастами совершенно нового для них дела.

Вечная память нашим почившим наставникам!

Святейший Патриарх Алексей среди многих обязанностей, выпавших ему вместе со жребием первосвятительского служения, когда он был избран 2 февраля 1945 года Патриархом Московским и всея Руси и в день своей интронизации, 4 февраля, принял патриарший куколь и жезл Предстоятеля Русской Православной Церкви, большое повседневное внимание оказывал работе Богословского Института. И после переезда Академии и Семинарии в Троице-Сергиеву Лавру редкий месяц проходил, чтобы он не посетил занятий, не участвовал в опросе учащихся.

Переезд Московских Духовных Академии и Семинарии в Троице-Сергиеву Лавру в Загорск, в исконное свое место, где Академия прежде находилась более 100 лет, состоялся в 1948 году по инициативе и благословению Святейшего Патриарха Алексея. Переезд в Лавру открыл новую страницу в истории Московских Духовных школ. К этому времени преподавательский состав получил значительное подкрепление с приходом новых людей. Ректором был назначен известный московский проповедник, настоятель храма во имя Свят. Николая в Кузнецях прот. Александр Павлович Смирнов († 1950), пробывший в должности ректора и преподавателя по кафедре Нового Завета менее двух лет. Его сменил протоиерей Константин Иванович Ружицкий († 1964). Некоторое время исполнял обязанности инспектора, сочетая их с чтением курса истории и разбора западных исповеданий, протоиерей Всеволод Дмитриевич Шпиллер († 1984), вернувшийся на Родину из Болгарии и лично знакомый с многими деятелями начавшегося тогда экуменического движения.

Переезд Московских Духовных школ в Троице-Сергиеву Лавру совпал с грандиозным событием — Совещанием Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в Москве 8—18 июля 1948 года в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Профессора и преподаватели Московских Духовных школ участвовали в подготовке и чтении докладов по актуальным темам Совещания, выдержав тем самым серьезный экзамен перед лицом всего тогдашнего православного мира на твердость наших церковных традиций, компетентность и актуальность богословского мышления.

Доцент Н. И. Муравьев выступил с основным докладом «Пятистолетний юбилей автокефалии Святой Русской Православной Церкви». Ректор архиепископ Гермоген сделал доклад о Ватикане и его политике. Содокладчиком по этой теме выступал протопресвитер Гавриил Костельник, главный инициатор возвращения униатов Галиции и Волыни в лоно Русской Православной Церкви, запечатлевший верность своей идее трагической смертью от руки убийцы (в том же 1948 году, 6/19 августа, после литургии в праздник Преображения Господня). С докладом об англиканской иерархии выступил профессор В. С. Вертоградов. С докладом «Экуменическое движение и Русская Православная Церковь» выступил настоятель одного из московских храмов, заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений протоиерей Григорий Иванович Разумовский († 1967). Доклад о церковном календаре прочитал проф. А. И. Георгиевский.

Естественно, что участие в дискуссии, составление весьма ответственных докладов и итогового документа потребовало от авторов глубокого изучения материалов предшествующего периода. Теперь для нас подготовить доклады по проблемам межправославным, экуменическим, миротворческим представляется делом как будто обычным, а тогда было, конечно, чрезвычайно трудно сделать первый шаг в этом направлении. Нужно было основательно поднять обширный пласт всех наших знаний — богословских и по истории Церкви, для того чтобы представить достаточно квалифицированные доклады перед собравшимися на Совещание богословами, обладающими богатым опытом непрерывного научного труда. Качество этих докладов было настолько высоко, что до сих пор Деяния Совещания 1948 года являются одним из основных документов, на которые ссылаются богословы всех конфессий. И действительно, труды наших профессоров, впервые тогда представшие на суд мировой общественности, заложили основы нынешних наших экуменических отношений.

Совещание 1948 года ознаменовалось также Обращением к Предстоятелям христианских Церквей с призывом встать всем вместе на защиту мира, уже в первые послевоенные годы испытывавшего угрозу со стороны зарождающихся милитаристских сил и тенденций. Образование Всемирного Совета Мира, Советского комитета защиты мира, затем Христианской Мирной Конференции, в состав которых вошла и Русская Православная Церковь в лице своих представителей, дало новый импульс развитию православной мысли, а именно систематическому исследованию концепции миротворчества в библейской и святоотеческой мысли и в традициях жизнедеятельности Русской Православной Церкви. Это был плодотворный период. Именно тогда родилось поня-

тне «богословие мира», в разработке которого участвовали также профессор и наставники Московской Духовной Академии.

Развитие экуменических связей началось на двусторонней основе приездом в Москву в 1952 году пастора д-ра Мартина Нимёллера († 1984), президента Земельной Церкви Гессен-Нассау, председателя Отдела внешних церковных сношений Евангелической Церкви Западной Германии; в 1954 году к нам прибыла официальная делегация Евангелической Церкви Западной Германии. Затем в 1955 году состоялся обмен визитами с Церковью Англии и таким образом начался богословский диалог между Русской Православной Церковью и Церковью Англии. Богословские собеседования представителей нашей Церкви с Евангелической Церковью в Германии, ФРГ, под названием «Арнольдсхайн», стали затем регулярными, развивался и двусторонний богословский диалог с Лютеранскими и Реформатскими Церквями. Эти контакты определили новые пути развития и направления богословских исследований в Московских Духовных школах, а также в возрожденных Ленинградских Духовных Академии и Семинарии. Экуменические диалоги стимулировали исследования в очень широком спектре собственно богословских и церковно-общественных интересов.

Вступление Русской Православной Церкви в экуменическое движение потребовало выработки ответа на актуальные вопросы с позиций православной богословской мысли и активизировало изучение инославия. С 1961 года, став членом Всемирного Совета Церквей, Русская Православная Церковь участвует во всех международных конференциях, проводимых Всемирным Советом Церквей, и имеет теперь своих представителей во многих учреждениях этой всемирной христианской организации, что налагает на нее известные обязательства — прежде всего выполнение священного долга свидетельства о Православии устным и письменным словом, а следовательно, и творческое углубление в православную богословскую традицию. И на этом поприще Московская Духовная Академия в лице своих профессоров внесла достойный вклад.

В те же годы стали появляться первые академические работы, диссертации на соискание магистерских и докторских ученых степеней. Ректор Академии архиепископ Гермоген стал первым доктором богословия за совокупность трудов по истории и политике Ватикана. Профессор Н. П. Доктусов защитил магистерскую диссертацию по истории и вероучению Армянской Апостольской Церкви. Профессор Н. И. Муравьев — диссертацию на степень магистра церковной истории по истории и вероучению Коптской Церкви, положив начало работе Русской Православной Церкви в области проблем взаимоотношений с нехалкидонскими Церквями, продолжившейся затем в образованной Синодальной Комиссии по диалогу с Древними Восточными (Ориентальными) Церквями.

На много лет вперед в Московской Духовной Академии интересы учащихся определили два ведущих профессора: ректор Московской Духовной Академии протоиерей Константин Иванович Ружицкий, занимавший также кафедру нравственного богословия и получивший степень магистра в Ленинградской Духовной Академии за составленный им учебник, и профессор Иван Никитич Шабатин († 1972), большой

знаток архивных документов, стимулировавший серию студенческих работ по истории епархий Русской Православной Церкви. Интерес учащихся к вопросам христианской аскетики, святоотеческой письменности, нравоучения Православной Церкви, так же как и изучение исторического опыта Русской Православной Церкви от основания до послевоенного развития епархий стало, несомненно, важным вкладом в формирование богословского и церковно-общественного мышления учащихся Московской Духовной Академии.

Известно, что в Московских Духовных школах с момента их создания увлеченно занимались изучением текста Священного Писания и богослужебных книг. Основатели Славяно-греко-латинской Академии братья Лихуды, справщики богослужебных книг патриаршего двора, а затем Московской Синодальной конторы, на долгие годы привили вкус к исследованию текстов, ставших как бы необходимой изначальной основой духовного образования. Уже само название — Славяно-греко-латинская Академия — показывало интерес Православной Церкви к многоязычному наследию христианской письменности, который послужил впоследствии творческим фундаментом для переводов Библии на русский язык в трудах архимандрита (впоследствии митрополита Московского) Филарета (Дроздова; † 1867), определившего пути восстановления святоотеческой традиции в мышлении Духовных школ. Характерно, что регулярные печатные издания Московской Духовной Академии первоначально назывались «Прибавление к изданию творений святых отцов в русском переводе»; с 1892 года они получили наименование всемирно известного авторитетного журнала «Богословский вестник».

Подлинным основателем научного исследования Библии, в частности Нового Завета, следует назвать профессора протоиерея Александра Васильевича Горского († 1875), составившего вместе с профессором Московского университета К. И. Невоструевым († 1873) бесценное «Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки». Дело Горского продолжил его ученик Григорий Александрович Воскресенский, блестящими преемниками которого были профессор Н. Н. Глубоковский († 1937), непревзойденный авторитет в области многостороннего исследования Священного Писания Нового Завета, и профессор М. Д. Муретов, бывший в течение 17 лет редактором «Богословского вестника» и бессменным консультантом и редактором переводов святоотеческой письменности, которые предпринимались Московской Духовной Академией. Оригинальный мыслитель, профессор М. М. Тареев также сформировал свои взгляды под влиянием школы изучения Священного Писания Нового Завета. Традиции Московской Духовной Академии принес в Православный Богословский Институт протоиерей Вениамин Васильевич Платонов († 1948), настоятель московского храма Всех святых на Соколе. Блестящая магистерская диссертация, написанная им по окончании курса Московской Духовной Академии, — «Повествование о жене-грешнице» остается до сих пор непревзойденным примером текстологического богословского исследования Священного Писания. К сожалению, протоиерей Вениамин Платонов скончался на третьем году своей преподавательской работы.

Период преподавания Священного Писания профессором Николаем Петровичем Доктусовым, а затем приход одного из одаренных учеников

профессора Глубоковского Алексея Ивановича Иванова († 1976), занявшего кафедру византологии в 1951 году и затем перешедшего в Ленинградскую Духовную Академию, дали новый импульс изучению наследия Н. Н. Глубоковского; курс его повторил профессор Н. П. Доктусов, а профессор А. И. Иванов защитил диссертацию, которую начал еще студентом в Петербургской Духовной Академии под руководством профессора Глубоковского (затем он продолжал ученые занятия как профессорский стипендиат в Константинополе перед окончанием первой мировой войны). Кафедру Нового Завета принял от профессора Н. П. Доктусова доцент священник Константин Нечаев, впоследствии профессор архиепископ Волоколамский Питирим. В соответствии со взглядами Святейшего Патриарха Алексия, предлагавшего для курсовых работ темы, связанные с исследованием традиционного церковного текста Священного Писания Нового Завета и ориентированные на повседневную пастырскую проповедническую деятельность, центральной темой студенческих работ, нацеленных на практическое применение текстологии, была дидактическая направленность годового круга богослужебных чтений Священного Писания Нового Завета. Своеобразным итогом развития этого направления кафедрой Нового Завета явилась подготовка и издание четвертого тома Настольной книги священнослужителя, составленного студентом Московской Духовной Академии, сотрудником Издательского отдела Московского Патриархата священником Михаилом Дроновым в 1985 году.

Большую международную известность приобрел Церковноархеологический кабинет Московской Духовной Академии, собрание произведений церковного искусства, и прежде всего древнерусской иконы. Начало этому собранию, размещенному в здании бывших царских чертогов, было положено двумя студентами: Алексеем Остаповым и Константином Нечаевым, создавшими мемориальную комнату-музей Святейшего Патриарха Алексия в небольшом служебном помещении, где Святейший Патриарх жил, будучи студентом, в 1902—1904 годах. Эту экспозицию Московская Духовная Академия преподнесла Святейшему Патриарху ко дню его тезоименитства 12/25 февраля 1949 года. Святейший Патриарх благословил восстановить Церковноархеологический кабинет, прежде бывший в Академии и собранный энтузиастом изучения церковного искусства профессором Александром Петровичем Голубцовым. Сын его Павел Александрович Голубцов, уже неоднократно упоминавшийся здесь, положил начало новому собранию приобретением частной коллекции медных крестов. Стали поступать дары от Его Святейшества, от преподавателей и учащихся Духовных школ, епископов, клириков и мирян Русской Православной Церкви. С возвращением Академии в ее прежнее помещение Церковноархеологический кабинет занял все парадные помещения чертогов. Вдохновенным создателем, собирателем и хранителем этого великолепного собрания стал на многие годы студент, а затем профессор, секретарь Совета, протоиерей Алексей Данилович Остапов († 1975).

Церковноархеологический кабинет проводит большую исследовательскую работу. Не случайно почти ежегодно одна-две курсовые работы посвящаются проблемам церковного изобразительного искусства. В 1984 году своеобразным итогом этого направления исследований ста-

ло курсовое сочинение студента Московской Духовной Академии, сотрудника Издательского отдела Московского Патриархата В. П. Казанцева, вместе со своим научным руководителем доцентом протоиереем Владимиром Ивановым подготовившего описание Церковноархеологического кабинета, а в 1986 году студент Иван Сирота, также сотрудник Издательского отдела, в своей курсовой работе провел исследование иконографии Божией Матери (опыт систематизации).

Важным фактором, определяющим направление богословской мысли, проблематику и формирование научных вкусов, следует считать пребывание Московской Духовной Академии в стенах древней Троице-Сергиевой Лавры. Тесная связь духовной жизни монастыря и школ, участие братии обители в преподавании богословских предметов, а главным образом повседневная забота Священноархимандрита монастыря Святейшего Патриарха Алексия и его преемника Святейшего Патриарха Пимена, бывшего наместником Троице-Сергиевой Лавры в 1954—1957 годах, — эти обстоятельства, несомненно, содействовали преобладанию в среде преподавателей и студентов интереса к вопросам христианского нравоучения, православного пастырства и аскетики. Изучение святоотеческих творений в русле этих проблем определяет лицо Московской Духовной Академии, и большинство диссертаций на степень магистра и доктора богословия связано именно с этой нравственно-практической стороной жизни Русской Православной Церкви. Святоотеческое богословие, сохраненное преемственно поколениями Русской Православной Церкви, творчески изложенное в произведениях русских духовных писателей, дает обильный материал для ежедневной работы студентов и богословов. Учащиеся и преподаватели Московской Духовной Академии имеют возможность изучать путь святоотеческих творений к душе человека практически, проповедуя в академическом храме. Можно сказать, что святоотеческая проповедь оживает вновь в повседневной жизни Московской Духовной Академии. Пастырство и церковность, заложенные как фундамент реорганизованных Московских Духовных школ Святейшим Патриархом Алексием, остаются основой методики преподавательской работы в Московской Духовной Академии.

В век экуменизма, озаменованный поисками взаимопонимания, христиане-богословы разных конфессий неизбежно приходят к пониманию сущности Церкви в ее основной задаче «созидания Тела Христова, доколе все придем... в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного... в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 12, 13).

Проблемы православной сотериологии и экклезиологии волновали молодых богословов возрожденной Духовной Академии с первых лет. Начало было положено курсовым сочинением Петра Викторовича Гнедича, который следовал принципам, изложенным в классической работе архимандрита Сергия (Страгородского; впоследствии Патриарха Московского и всея Руси) «Православное учение о спасении», рассматривающей, в противоположность юридической концепции искупления, спасение как духовное возрождение человека. Защитив впоследствии на эту же тему и магистерскую работу, П. В. Гнедич открыл как бы целое направление, развитое затем в курсовом сочинении выпускника 1951 года Г. И. Шиманского и ставшее на многие годы главной дискутируемой темой.

Богословская позиция Святейшего Патриарха Сергия подтверждалась не только названными богословскими сочинениями. Повседневная пастырская работа выпускников Московских Духовных школ, ставших епископами и священниками Русской Православной Церкви, духовниками множества паломников Троице-Сергиевой Лавры, осуществила на практике идею духовного возрождения, которую Русская Православная Церковь пронесла через тысячелетие. Церковь как Дом Божий и сфера благодатного действия Святого Духа, всецелое служение Богу и ближнему, творческая энергия христианина — непосредственного участника процесса благодатного возрождения и спасения для вечной жизни, — вот главные темы богословских дебатов в студенческой среде, где арбитрами выступают богословы-профессора, продолжающие эту тему в своих частных товарищеских дискуссиях. Христианский мир, увидевший на путях экуменического сотрудничества духовные ценности Православная Церковь пронесла через тысячелетие. Церковь как Дом ции русского православного богословия. О всецерковной значимости сотериологической и экклезиологической концепции православного богословия свидетельствует профессор Московской Духовной Академии протопресвитер Виталий Михайлович Боровой, более четверти века участвующий в экуменических собраниях Всемирного Совета Церквей. От «Богословского вестника» к «Богословским трудам» и «Журналу Московской Патриархии» перекинут мост, связывающий древнюю традицию с актуальными проблемами Русской Православной Церкви и экуменического движения. Богословы Московской Духовной Академии сотрудничают в Комиссии по разработке тем Святого и Великого Собора Православной Церкви, в Комиссии по вопросам христианского единства — это примеры практического продолжения напряженной богословской работы, которая велась еще в древней Московской школе — рожденной в монастырских стенах православной Московской Славяно-греко-латинской Академии, которая, перейдя в Троице-Сергиеву Лавру и получив наименование Московской Духовной Академии, продолжала традиционный путь творческого развития древнего святоотеческого и позднейшего — русского отеческого богословского мышления, богословия не ради отвлеченного исследования абстрактных понятий, а ради приложения высокого содержания к практической христианской жизни. И в работе нынешних богословов Московских Духовных школ ответственность богослова за состояние Церкви, и прежде всего пастырского служения, является центральной идеей.

В настоящее время христианский экуменизм, по-видимому, достиг новой фазы развития. После VI Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Ванкувере, несомненно, определится дальнейшее развитие в плане изучения значения пастырского служения в Церкви. Ванкуверская Ассамблея остро поставила проблему священства и служения. Нельзя не отметить, что современный экуменизм ищет возобновления духа пастырства, не во всем следуя древнецерковным традициям, а часто и вопреки им. Вопрос о рукоположении для пастырского служения женщин, инвалидов и других неканонических категорий людей был поставлен на Ассамблее с небывалой дотоле остротой. Традиционная позиция православных делегатов, не принявших этих новых концепций, была для всех очевидна, однако начавшаяся дискуссия, по-видимому, потребует глу-

бокого аргументированного ответа православной экумены. Московской Духовной Академии с ее пасторологической традицией, очевидно, предстоит сказать свое веское слово в этой новой фазе развития экуменизма.

Подводя итог, можно сказать, что Богословский Институт при всей кратковременности его исторического существования был все же той материнской колыбелью, в которой возродилось величие нашей Московской Духовной Академии. И это величие не случайно. Потому и тема доклада названа «В единении традиции и актуальности».

В наш экуменический век христиане протянули друг другу руки, чтобы совместно решать те высокие гуманные задачи, которые стоят перед человечеством. Современный мир — в сложных условиях. Может разразиться глобальная катастрофа. Поэтому защита мира и экуменизм являются сегодня наиболее актуальными направлениями. Хотелось бы остановиться на одном из них.

Конфессии имеют уже глубоко сложившиеся традиции, и тот богословский диалог, который мы ведем, представляет собой большой позитивный труд в раскрытии основы нашего религиозного мировоззрения и нашей позиции. Мы проникаемся взаимным уважением к традициям друг друга. Но все-таки доктринальные позиции бывают так далеки, что мы не можем пока найти необходимого богословского консенсуса.

Но есть одна область, в которой все христиане, и даже нехристиане, могут и обязаны трудиться совместно. Это область пастырского душепопечения. Народ Божий, все люди, которые верят в Бога, естественно, ждут доброго пастырского слова. И будет ли это православный пастырь, живущий по нашим православным традициям, будет ли это евангелический пастор, наследовавший идеи Мартина Лютера, 500-летие которого праздновалось совсем недавно; будет ли это пастор Римско-Католической Церкви, — любой из них призван прежде всего заботиться о том, чтобы паства была проникнута духом Христовым, чтобы было мирное сожитие людей на Земле. И потому дух православного пастырства, который в церковности и мудрости был заложен основателями Московской Духовной школы, особенно близок нам, и на этом пути нашего экуменического и миротворческого свидетельства есть место для каждого из нас.
